

29 октября 1941 г.

Вот я и в части. Холодно, идет дождик. Такой торжественный день, и так не торжественно в природе. С сегодняшнего дня и я защитник Родины.

1 ноября.

Начались занятия. Учим мины, ползаем, ходим по азимуту. Самое главное — я уже знаю все виды личного оружия, стреляю, и, кажется, неплохо. Сегодня днем стреляли в крышку котелка. Попала. Батурин говорит, что хорошо.

4 ноября.

Сегодня выезжаем на задание. Получили все. Первый раз обула сапоги. Тяжело в них идти. Провожают нас к линии фронта Батурин и Клейменов. Девушек 4, ребят 8.

Девушки: Зоя, Лида, А Командир группы Соколов. Едем на машинах к линии фронта.

12 ноября.

Теперь опишу, как шли. Вечером — по железной дороге. С нами идут проводники — разведчики фронтовой части. Они должны указать, где лучше переправиться. В лес пришли, когда стало темно. Разведчики простились с нами. И вот мы одни идем какими-то лесными оврагами. Много ручейков. Идти жарко. Привал.

Ребята пошли в разведку. Закусываем, отдыхаем. Становится холодно. Вернулись наши ребята. Впереди, в пяти километрах, деревня Васильевская. До Волоколамска недалеко. Пошли опять. Плотина. Мельница уничтожена. Вероятно, разрушена снарядом. А плотина уцелела. Перешли реку, и вот уже у деревни. Странно, нас до сих пор еще нигде не обстреляли. В деревню не заходили, по азимуту двинулись дальше. Встретили группу НКВД, они шли от Волоколамска. Рассказали нам они и мы им, как лучше идти.

Зоя и Лида отправились в разведку в деревню. Я с командиром пошла по дороге. Где-то должен быть сарай, нужно найти и проверить: нет ли там немцев?

... Октябрьские праздники встретили под елкой. Мокрые, голодные и холодные.

Шинели у ребят гремят, измяты, все мы похожи на чучела. А в общем не хочу больше писать. Заданием недовольна. Минировали, переходили линию фронта, и нигде нас не обстреляли. Даже обидно.

4 декабря.

Вот и опять поговорим с тобой наедине, мой чудесный дневничок.

Линию фронта проходили под обстрелом. Из деревни Обухово вышли поздно, нас накормили, дали проводников к линии фронта. Выстроили 20 человек. Длинная цепочка. Батурин нас дальше не ведет. Он жмет нам всем руки, прощается. Ах, Федя, Федя, если бы он знал, как бьется сердце, как тяжело прощаться с кем бы то ни было. Подошли к линии фронта. Впереди река Нара, маленький мостик, недалеко детская

коммуна, которую сегодня вечером заняли немцы.

Разведка пошла вперед, мы прилегли. Вдруг огонь. На мостике «кукушка». Одного нашего проводника ранило. «Кукушку» мы сняли, перешли мостик и двинулись в глубь леса. Итак, первое боевое крещение получено.

Зашли в лес. Послали разведку вперед, сами присели под елкой. Холодно, жмемся друг к другу. Долго что-то нет проводников. С Клавой Лебедевой я тоже отправилась в разведку. Уже светало. Прошли полкилометра. Встретили наших ребят. Они говорят, что впереди, в одном километре от нас, сарай, а в нем немцы. Вернулись к группе, и все вместе поднялись в путь.

По дороге попался нам ветеринарный пункт. Сколько здесь окопов! Вот наши бойцы, изрубленные немцами на куски. Их было восемь... Сколько мучений приняли вы, богатыри русской земли!

Подходим к Петрищеву. У Костино обнаружили землянку. Группа прошла вперед, остановилась метрах в шестистах от нее. Я же пошла к ней, чтобы сориентировать карту. Через лес идет дорога. Проезжает много немцев, поют пьяными голосами, свистят.

Пробралась в землянку. В ней живет бабушка. Говорит, что остальных жителей немцы угнали. Бабушка чего-то стряпала. Обрадовалась мне страшно. Я ей дала пару сухарей, кусок сахара, две копченых воблы. Это для нее был дорогой подарок. Она ест хлеб из древесной коры с картофельными очистками. Нищета. Взяла у бабушки котелок воды, сориентировала карту на Костино, Петрищево и Анашкино. Возвратилась назад. Ребята обрадовались мне. Принесла воду. Всем досталось по два глотка.

Быстро смеркается. Паша Проворов дал мне плащ-палатку, велел прилечь и хоть несколько минут поспать. Сплю одним глазом, другим гляжу по сторонам. Вот уже и темно. Подымаемся и неслышным шагом проходим мимо деревни Костино. Горят в школе огни, хлопают двери, немцы орут пьяные песни, кричат девушки. Бедные пленницы, издеваются над вами гады!

Остановились в лесу. Чудная картина. Елочки покрыты, инеем. На краю поляночки высокие ели, разукрашенные снегом. Светит ярко луна, иней блестит, переливается разными огоньками. Чудесно. Даже в большие праздники, на Новый год нельзя найти такую чудесную елку. Как хочется жить!

Мы отдыхаем. Вдруг Зоя меня спросила:

— Скажи, правда, что ты учительница?

— Да, была.

— Вот так штука, а я тебя на «ты» зову и Клавой. Как твое имя и отчество?

— Просто Клавдия. Ведь мы же с тобой комсомольцы, Зоя. Я старше тебя всего на четыре года.

— Понимаю, но как-то неловко. Ты уже учительница, а я только из школы.

Меня позвал Боря Крайнев, командир нашей группы:

— Сходи в Петрищево, потом в Гребцово, разведай. Сегодня нужно начать работу. Уже светало, когда я пошла в разведку. Ребята развели костер, завесили его кругом плащ-палатками. Тяжело уходить от костра, но нужно. Ведь я веду группу, отвечаю вместе с Борисом за выполнение задания.

Разведка прошла удачно. Какой-то мальчик подробно рассказал мне обо всем. Как близка эта деревня, а как долго идти к ней! Приходится обходить полянки, маскироваться, переползать через дорогу. А есть как хочется!

Вернулась вечером. Ребята потушили костер, ждут. Зоя дала положенную норму колбасы, рыбы, кусок сахара, кусочек сухаря и полкружки натаянной из снега воды. Пить хочется зверски! Зоя пошла, набрала кусочков сосулек. Приятно их сосать: моментально рот наполняется водой.

Пошли выполнять задание в Петрищево, а я и Лида Булгина направились в Гребцово. Не доходя деревни, попались на глаза финнам, которые погнались за нами по лесу. Свистят, кричат что-то похожее на лай собак: «гангал, гангал!» Мы юркнули под ель и притаились. Финны пробежали мимо нас. Когда выполнили задание и вернулись на место сбора, никого не оказалось. Мы остались вдвоем. Продуктов нет, боеприпасов нет, только одни наганы и по два наката патронов. У меня Зоин наган. Мы обменялись с ней. Она предложила мне свой, когда увидела, что в моем очень тугой спусковой крючок: «Ты ведь больше всего одна действуешь, тебе нужен безотказный наган». Группу не догнали, что делать? Решили с Лидой самостоятельно переходить линию фронта. Идем без карты, просто по компасу, держим строго «восток». Па четвертые сутки пришли к линии фронта. Как трудно переходить!

У нас с собой была литература на немецком языке. Политотдел штаба 5-й армии поручил нам разбросать ее среди немцев. Литературу разложили, ухлопали какого-то офицеришку, достали немецких карандашей.

А есть охота. Начали мы утром с Лидой собирать засохшие ягоды черники и чуть было не попали живьем в руки немцев. Еле удрали. Вышли на какую-то поляночку, поросшую кустарником. Нашли пять ягод калины. Поделили их и позавтракали. В обед съели по таблетке кальцекса. Вдруг по полянке начал бить миномет. Видно, наши думали, что здесь немцы. Мина разорвалась метрах в десяти от нас. Прижались мы с Лидой к земле, потом, после разрыва, Лида спрашивает:

— Ты жива?

— Жива, а ты?

— Я тоже.

На пятые сутки проспали до двух часов ночи, потом слышим стрельбу и чисто русское «ура». Думали, наши

идут в атаку. Нет, вскоре все смолкло. Решили переходить именно сегодня линию

фронта.

Вышли на опушку леса, прислушались. Спокойно. Впереди лесок, стали переходить полянку — ракета. Залегли. Погасла она — двинулись дальше. Только вошли в кусты — посыпались пули. Ползком дальше. Спуск вниз к реке Наре. Плохо замерзла река, а ведь уже второе декабря. Намокли мы, намокли валенки. Переползли реку, напоролись на проволочное ограждение. Полезли через проволоку. Вспомнили, что идем по минированному полю. Ищем тропинку. Идем по ней. Вдруг оклик: «Стой! Кто идет?» Как приятно слышать родной голос. Отвечаем: «Свой». Команда: «Подходи». Патруль — красноармеец. Рассказали, откуда идем. Он вскинул винтовку на плечо, зашагал вперед со словами: «Идите за мной». Как тяжело идти в намокших больших валенках. Говорим: «Подожди, товарищ, тяжело идти».

Подождали к блиндажу. Там мы обсушились, поели и утром, когда стало светать, отправились в штаб батальона. Начальник штаба старший лейтенант Федя Сиротин накормил нас. Как хорошо. Выспались, рассказали, где находится немецкая батарея. По нашим данным, ее разбили. Потом мы направились в штаб Западного фронта, а оттуда уже в свою часть. За то, что мы доставили ценные разведданные, штаб 5-й армии прислал нашему командованию благодарность.

6 декабря.

Отдыхаем в части. Вернулись Боря Крайнев, Паша Проворов, Наташа Обуховская. Остальные погибли...

Последняя запись 1941 г.

Получили подарки. Мне достался большой ящик от детей тамбовской школы. Чего только нет. И папиросы, и конфеты, и семечки, носовые платки, зубной порошок и зубная щетка, мыло, пара носков, свитер, перчатки, шесть конвертов, два карандаша, почтовая бумага. Вот спасибо вам, ребятки! Написала им письмо, да ответ вряд ли получу. Ведь я больше в тылу врага, а здесь мало нахожусь.

18 мая 1942 г.

Вот мы первый раз в белорусской деревне, идем через Слоуч, подходим к деревне Прудок. Навстречу вышли разодетые девушки. На всех праздничные платья, яркие хустки, цветы в руках.

Они радостно подскочили к нам, а одна из них, похожая на цыганочку (Нина Кришталь, она потом вместе с сестрой Катей была связной партизан), бросилась мне на шею, поцеловала и заплакала. Я ее спросила: «Чего же ты, глупенькая, плачешь?» Она сквозь слезы отвечает: «Да не верится мне, что я вижу здесь, перед собой, своих советских людей, красноармейцев. Мы же думали, что никогда больше не увидим своих товарищей, свободной жизни. Но нет, вот вы перед нами, и звездочки у всех на шапках,

а у тебя даже орден. Тоже звездочка». И Нина наклоняется и целует мой орден. Мы спросили, куда они направляются. Оказывается, нас искать. «Нам сказали, что был тут выброшен десант, так мы и шли к вам».

Нас повели в деревню. По пути из кустов к нам выскакивали мужчины. Озираясь по сторонам, они спрашивали про жизнь на Большой земле, про фронт, просили газет. Мы привезли с собой много литературы, есть что раздать.

В деревне веселье. Нас осыпают цветами, угощают, все разодетые, каждый приглашает в гости. Из Прудка пошли в Большое и Малое Городно. Там Борис Николаевич Вацлавский повел нас знакомиться с подпольщиками.

Какой-то крестьянин пашет, жена сажает картошку. Мы подошли к нему. Он огляделся, подошел к забору, взял литературу, сказал, чтобы пришли завтра, будет важное сообщение. Посмотреть на него — простой крестьянин в розовой рубашке, полотняных рваных гитанах, с большой бородой, а ведь он политрук. Жена, военный врач, тоже выглядит простой крестьянкой...

... Подходим к Выдрице. На мосту нет часовых. Вошли в деревню. Бабы смотрят на нас испуганно, не понимают, как попали сюда советские бойцы. Мы прошли по шляху на Молодилово (колхоз имени Калинина). Нас встретили радостно, угощают, ночью пошли по просеке в наш лагерь. Увязаем по пояс в воде. Болото, болото и болото. Только под утро усталые и замерзшие пришли в лагерь и легли в шалаше отдыхать.

31 мая.

Готовлюсь к отправке в Оршу. В Выдрице достали шаль, юбку, жакет, чулки. В общем становлюсь гражданкой. Учю свой маршрут.

15 июня.

Меня провожали до Выдрицы (что в семи километрах от деревни Прудок) Петреев и Северов. Дальше пошла сама. Последний раз дали закурить. Приятно было затянуться. Потом поцеловала хлопчиков и пошла на деревню.

Темно в лесу, ничего не видно. Вышла на поляну, за ней кое-как нащупала хатку, зашла в нее. Сказала, что беженка, иду из Минска в Издешково, Смоленской области. Там у меня живут родные. Ложная биография звучит хорошо. Бабка меня кормит, сокрушается. На рассвете пошла дальше.

В Дубовом задержали полицаи. Сказала им, что я дочь заместителя выдрицкого бургомистра, иду в Татарку к леснику, так как нас в Выдрице десантники разогнали. Отец, мол, в Крупках, мать тоже, сестра ушла к дяде в Круглое, а я иду в Татарку. Проверили документы — правильно: Анастасия Антиповна Шутко. Накормили меня, и я пошла дальше.

В Татарке встретила с партизанами бригады Сергея Жунина. Дальше шла хорошо. В

Воронцевичах познакомилась с семьей Балановичей. Они связали меня с керпычевской бригадой. Там мне дали другие документы. Теперь я Анастасия Антиповна Пунченко. Дали в проводники Костю Пунченко. Под видом его жены иду с ним в Оршу. В городе все узнали, побывали на Валбасовском аэродроме. Купили подарки ребятам: табаку, мыла, сахарина, конфет. По пути встретили полицейских из разбитого гарнизона Шклова. Они убегают от партизан. Смехота! Благополучно прошли обратно через Староселье, потом зашли к Вацлавскому, оттуда вернулась в лагерь. За мое отсутствие погибла Маша Головтюкова. Взорвалась на mine. Похоронена под Денисовичами. Разведданные, принесенные мною из Орши, признаны очень ценными. Их срочно передали в штаб фронта. Оттуда радировали благодарность.

25 августа.

Под Оршей. Дала задание связным. Жду результата.

28 августа.

В Орше. На Пугачевской, 5. Страшно. Немецкий паспорт у меня просрочен.

14 сентября.

Вернулась, нахожусь у вацлавцев. Сообщили, что под Выдрицей в бою погибла Леля Колесова. Тяжело, но ничего не поделаешь. Все мы к этому готовы.

15 сентября.
Опять в Оршу. Да здравствует проклятая Орша, в которой, быть может, для меня уже готова виселица...

29 сентября.

Задание выполнила. Пришла в лагерь вацлавцев. Никого здесь нет. Сильная блокировка, кругом немцы. В Хролице заночевала. Встретила у Козулич партизан. С ними выходила к Козлу, там бригада Сергея Жунина. Всю ночь идем по пояс в воде. Мокро и холодно.

Около шляха сняли немецкий пулемет, пошли дальше. Перерезали провода. Утром были в Козле.

1 октября.

И здесь появились немцы. Приняли в лесу бой. Коля Балув убит. Наткнулись на засаду. Под Корытницей нас обстреляла бронемашина.

29 января 1943 г.

Прибыла к Дербану (партизанская бригада) в Князевку. Готовлюсь идти в Борисов.

10 февраля.

Ушла в Борисов. Под городом ночевала в Карасевом бору. Утром была у Белковых. Мать Нади меня сначала приняла за нищенку — так я была одета. Потом я ей сказала: «Вам привет от Нади». Она вскочила, заплакала, начала меня целовать. Я залезла на печь. Ноги болят (прошла за сутки 65 километров по плохой дороге).

Слышу стук в дверь два раза и голос: «Миша», Открыла ему тетя Нюра дверь, заперла ее и говорит: «Мишенька, у нас гостья!»

— Кто, мамочка, Надя?

— Больше.

— Аня?

— Больше, сынок, представитель из Москвы. Помнишь, нам говорили, что он должен быть. Вот и пришел.

Миша лезет на печь и сразу кидается меня целовать. Ему 9 лет, но он уже старый подпольщик. Я сказала, что меня зовут Надей Гурнович (так по паспорту).

У Белковых под домом подпольная комната, ход в нее с подвала. Там я буду ночевать. Пришла Вера. Меня угощают. На другой день я была неузнаваема. Переодели в городской костюм, снабдили документами. Теперь можно смело ходить по городу.

13 февраля.

Была у Феди Терещенко. Прихожу — он болен. К нему приходят жители за продкарточками (он квартальный уполномоченный). Я ему говорю:

— Нельзя ли написать справочку для моего сына Васи?

— Почему же нельзя? Можно и для Васи, и для Коли, и для Феди...

Это пароль. После знакомства передаю ему деньги и шифровку для «Мирона» — кличка радиста Коли. Ему же оставляю питание для радиостанции.

15 февраля.

Установили прочную связь со связными, нашли новую конспиративную квартиру для «Мирона». Каждый день встречаюсь с подпольщиками.

6 марта.

Ухожу из города. Меня 8-го ждут в бригаде Дербана.

9 марта.

Была у Дербана. Рассказала, что их связная попалась с типографским шрифтом, ее пытаются, она молчит.

13 марта.

Пришла дербановская связная, убежала от немцев.

Майские дни 1943 г.

Прорыв был тяжелый. Погибли Вера Ромащенко, Саша Банников, Игнатович. Группы разбиты на части. Володя Шаповалов еще раз ранен. Теперь у него четыре ранения. Тащит его Анечка Анисимова.

Прорыв был страшный. Все трещало. Молодые елочки валились, как скошенные, пули свистели кругом, и ничего нельзя было понять, а мы орем «ура», стреляем и идем вперед. Ночью идем болотами. Кругом горит лес, трещат пулеметы. Из плащ-палатки сделали носилки, несем Вову Шаповалова...

* * *

После выполнения задания в городе Борисове Клавдия Милорадова вернулась в партизанскую группу. Лес, в котором действовали партизанские бригады Изоха, Грицана, Наумовича, был окружен немцами. Партизаны разбиваются на мелкие отряды и пытаются прорваться из окружения. Выйдя из окружения, Клава Милорадова с новым заданием опять направляется в Борисов.

Клавдия Милорадова родилась в 1920 году в семье железнодорожника-движенца. По роду службы отцу приходилось часто передвигаться с места на место. Вместе с ним кочевала семья. И мать, учительница, уже привыкла через каждые год-два знакомиться с ребятами в новой школе.

Дети радовались каждому новому переезду, вместе с братьями и сестрами радовалась и Клава.

Четырнадцать лет она получила комсомольский билет. Девушка стала задумываться о дальнейшем жизненном пути. И все чаще ее мысли останавливались на школе, на благородном и почетном труде учительницы.

Когда началась война, Клава училась на центральных курсах стенографии и заочно занималась в педагогическом институте.

Мужчины уходили на фронт. Женщины заменяли ушедших у станков. Девушка с тремя подругами устраивается на оборонный завод. Но этого казалось мало. Ей хотелось попасть на фронт.

В октябре 1941 года она пришла в Сокольнический райком комсомола Москвы и обратилась к секретарю райкома: «Я комсомолка и хочу воевать». Клавдия Милорадова была направлена на работу в тыл врага.

Октябрьским утром Клава приехала на дачу в районе Кунцева, где комсомольцы проходили обучение. Занятия проводились ускоренным темпом, и уже 4 ноября Клава с группой товарищей отправляется на выполнение первого задания.

Началась боевая жизнь, полная тревог и опасностей. Клаве пришлось пережить тяжести боевой жизни в тылу врага рядом с Зоей Космодемьянской, а несколько позже — и с Лелей Колесовой. Шесть раз переходила и перелетала она линию фронта,

выполняла ответственные задания командования, налаживала связи с партизанскими отрядами и подпольщиками, доставляла ценные сведения о противнике.

За успешное выполнение боевых заданий Клавдия Александровна была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». После окончания войны К. А.

Милорадова вернулась к мирному труду. В настоящее время работает корректором в ТАССе.

Отрывки из дневника Милорадовой были опубликованы в книге Т. Лильина «Их славит Родина» (М., 1959).